

XOMRK

**ВНЕ ЗОНЫ
ВИДИМОСТИ**

eSports by **GoH**

Xomrk

**Вне зоны видимости.
eSports by GoH**

«Автор»

2026

Xomrk

Вне зоны видимости. eSports by GoH / Xomrk — «Автор», 2026

Максим — отличник, репетитор по физике и гордость школы. Для всех, кроме самого себя. На самом деле он — игрок под ником Kiyamu, чьи реплеи разбирают аналитики топ-клуба GoH. Он скрывает это от родителей, от учителей и, самое главное, от Юли — девушки, которая любит его как «тихого и надёжного» парня. Когда в его школу переводят Машу, сестру легендарного капитана Freez, жизнь Максима превращается в игру на выживание. Маша видит в нём не просто талант — она видит свой билет обратно в большой киберспорт. Она предлагает сделку: она готовит его к отбору в Академию GoH, а он становится её «секретным оружием» против брата. Но у любой игры есть цена. Юля начинает подозревать ложь. Аналитики GoH уже охотятся за Kiyamu. А главный враг Максима — не соперники на сервере, а его собственный страх быть собой. Киберспорт. Предательство. Цена мечты.

© Xomrk, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Хомрк

Вне зоны видимости. eSports by GoH

Глава 1

4 мая

За окном школьного кабинета май медленно плавил асфальт, но в голове Макса соленые брызги разбивались о палубу фрегата. В «Tides of Fortune» сейчас был самый разгар сезона: тяжелые многопушечные махины вгрызались в борта маневренных бригав, а щепа летела во все стороны под грохот бортовых залпов. Ты не просто жал на кнопки — ты кожей чувствовал крен судна и инерцию двух тысяч тонн дуба, идущего на таран. Реальный мир казался лишь затянувшимся экраном загрузки перед настоящим делом.

— Макс, ты с нами? — голос учительницы истории пробился сквозь грохот волн, как помеха в дискорде.

Он моргнул, возвращаясь в душный класс. На висках осталась тяжесть от больших накладных наушников, которых на нем не было, — фантомное ощущение после ночи в игре. Макс инстинктивно провел рукой по волосам, пытаясь пригладить вечно взлохмаченный вихор, но пальцы лишь запутались в жестких прядях.

На доске — Наполеон и Аустерлиц. В его смартфоне, спрятанном под тетрадь — вчерашний реплей финала, разобранный до каждого пикселя. Пока историчка вещала о тактике девятнадцатого века, Макс анализировал, почему легендарный Артур из GoH прожал «инвиз» на две секунды позже положенного.

— Видели вчера, как Polo вытащил? — Кирилл с задней парты едва не подпрыгивал, возбужденно размахивая телефоном. — Там хп на один чих оставалось, а он выдал такой мув, что у комментаторов голос сел. Чисто бог игры!

— Да ладно вам, — Глеб даже не поднял взгляда от экрана своего планшета, нервно поправляя идеально уложенную челку. — У Polo в том моменте пинг был не выше пятерки, я логи чекал. С таким откликом даже ребенок засейвится. Это не магия, это просто качественное железо и удачный серверный тикет. Попробовал бы он это на нашем домашнем коннекте.

Макс едва заметно усмехнулся, глядя в тетрадь. Везением там и не пахло. Polo просчитал тайминг отката вражеского контроля с точностью до миллисекунды. Это была чистая математика, упакованная в стальные нервы. Но объяснять это Глебу, который ценил только яркие спецэффекты, было бесполезно.

Три года назад GoH изменили всё. Для Макса это было не просто увлечение — это была новая религия, где выживали только те, кто умел адаптироваться быстрее шторма. В мире, где один патч мог превратить твою тактику в пыль, вчерашние заслуги значили меньше, чем скорость реакции здесь и сейчас.

Он снова забарабанил пальцами по парте, имитируя прожатие способностей. Мизинец — щит, указательный — залп. Учительница продолжала рассказывать о маневрах пехоты, но Макс почти не слышал её, кожей ощущая фантомное сопротивление штурвала.

На перемене в классе о GoH шептались, как о закрытом клубе небожителей, но каждый шепот разбивался о реальность предстоящих экзаменов.

— Слышали новости? — Глеб развернулся к ним, демонстративно потирая эмблему GoH на новой толстовке. — На следующей неделе закрывают прием в Академию. Я свою стату за месяц подтянул до топ-500 региона, винрейт — шестьдесят два. Если они ищут тех, кто умеет в стабильность, я точно в деле.

Макс промолчал. Его анонимная заявка под ником Parsiphal уже прошла первичный фильтр аналитиков GoH. Глеб со своими цифрами не продержался бы и пяти минут в лобби, где за каждым твоим движением следят аналитики, выискивая малейшую заминку в таймингах.

GoH всегда искали новую кровь.

Они не смотрели на аттестаты, их интересовал только чистый талант и способность выживать в цифровом аду. Максим чувствовал, как внутри нарастает азарт. Он годами оттачивал технику в тени, не позволяя себе лишних слов, веря, что его действия в море скажут за него гораздо больше, чем любая биография.

Имена Freez и Артура звучали в школьных коридорах как легенды. Для большинства ребят они были недостижимыми богами в свете софитов, но Макс видел в них лишь планку, которую он обязан перепрыгнуть.

Но для Макса они были не идолами, а конкретной целью, к которой он шел, скрывая свои амбиции за маской тихони.

— Артур — это машина, — Глеб поправил воротник. — Видели его вчерашний лонг-шот сквозь туман? У него точно какой-то кастомный софт или девайсы за сотни тысяч. Обычный человек так не наведет.

— В «ToF» решает расчет, а не девайсы, — отрезал Саня, не поднимая глаз от тетради. — Пока ты надеешься на планшет за сотню штук, профи ловят момент, когда твой корабль заваливается на борт. Это математика, Глеб. Чистая математика.

— Завидуй молча, GoH — это другой уровень существования, нам до них как до Луны пешком.

Профессиональные игроки жили в мире, где ставки были запредельно высоки, а каждый промах мог стоить контракта на миллионы. Это была жизнь в ярком свете софитов, в окружении фанатов и строгих аналитиков, которые не прощали даже секундного замешательства. Для обычного ученика, запертого в рамках расписания и подготовки к ЕГЭ, такая судьба казалась недостижимой мечтой, мерцающей где-то за гранью возможного.

Школьная рутина казалась Максиму бесконечно скучной и серой.

Пока учителя распинаясь о важности экзаменов, Макс видел, как полкласса под партами обновляют турнирные таблицы. Мир уже давно разделился на тех, кто зубрит параграфы, и тех, кто готов рискнуть всем ради места в элитном ростере. Он просто старался не отвечивать, пряча за скучающим видом лихорадочный расчет.

— Юля, ты опять в своей вселенной? — Ольга Петровна остановилась у парты, заглядывая в скетчбук художницы.

— Это архитектура теней, Ольга Петровна. Исследование ритма, — Юля даже не вздрогнула. В её альбоме вместо дат и формул рождались сложные, почти живые механизмы. Она видела структуру там, где остальные видели хаос. Макс мог бы узнать в этих линиях чертежи паровых двигателей из игры, но он предпочитал не смотреть. Слишком близко к правде.

Юля была единственной, кто не измерял жизнь рангами и статистикой. Для неё все эти сражения были просто «шумными картинками», а Макс — человеком, который умеет слушать тишину. Но в последнее время она всё чаще замечала, как его пальцы на парте выбивают рваный, лихорадочный ритм, будто он пытается угнаться за невидимым метрономом.

— У тебя пальцы танцуют, — прошептала она, накрывая его ладонь своей. Макс вздрогнул, прерывая воображаемую серию атак. — Я видела вчера логотип GoH у тебя в уведомлениях, Макс. Это ведь не просто «кораблики», да? У тебя взгляд сейчас такой, будто ты уже на другом берегу, а нас здесь просто не существует.

Макс замер, чувствуя тепло её кожи. Для неё это были просто «кораблики». Для него — единственный способ не стать очередным менеджером в пыльном офисе. Разрыв между

их мирами на секунду стал почти осязаемым, как трещина в корпусе судна после прямого попадания.

— Просто не выспался, Юль. Мозг плавится от тестов, — он выдавил улыбку, которая вышла слишком быстрой и нервной. Под её внимательным взглядом он чувствовал себя игроком, чью позицию только что подсветили радаром на открытой воде. В кармане жег бедро смартфон — там уже час висело письмо от скаута GoH, а закрытые чаты гудели: Машу, главную звезду организации, за очередную выходку сослали на «перевоспитание» в какую-то школу. В самое тихое болото, которое только смогли найти на карте.

— Не перебори. Все эти цифры... они как будто стирают тебя настоящего, — она мягко коснулась его плеча. — Ты мне нужен здесь, Макс. Живой.

Школьная жизнь выглядела эфемерной рядом с грядущими победами, о которых Максим грезил каждую ночь. Он и не знал, что скоро ему придется выбирать между уютным миром и яростным штормом.

Легенды были уже близко.

Они придут из другого мира — того, где важны только твои действия, а не оценки в журнале. Максим сжал кулаки. Внутри всё вибрировало от предвкушения, будто он уже стоял на палубе перед решающим залпом.

— Скоро всё изменится, — прошептал он, выходя из класса.

— Что ты сказал? — переспросила Юля, догоняя его в коридоре.

— Говорю, погода хорошая, лето скоро, — Максим привычно пожал плечами и ускорил шаг, стараясь не встречаться с ней взглядом. Сейчас ему больше всего на свете хотелось остаться наедине с гудящим в кармане смартфоном, где уже решалась его судьба.

Майское солнце лениво растекалось по линолеуму школьного коридора, превращая пылинки в золотистый глитч. Юля прислонилась к подоконнику, ее пальцы, вечно испачканные в графите, осторожно переворачивали страницы старого скетчбука. Максим стоял рядом, его наушники висели на шее, как своего рода оберег от реальности. Они обсуждали предстоящий ЕГЭ по математике, но мысли парня явно витали где-то за пределами тригонометрических формул и скучных графиков функций.

— Ты опять в облаках, Максим, — тихо вздохнула она.

Юля протянула ему альбом, надеясь вытянуть его из этого странного оцепенения. На листе был изображен он сам, но в какой-то сюрреалистичной манере: его лицо распадалось на пиксели, улетающие в сторону окна.

— Это выглядит круто, Юль, правда. Просто... ты же знаешь, скоро экзамены, а потом лето, — Максим постарался сфокусироваться на рисунке, но его взгляд то и дело соскальзывал на экран смартфона. — Я вчера допоздна сидел над теорией, голова словно забитая кэш-память, тормозит на каждом шагу. Но твои штрихи стали четче. Ты словно ловишь то, что я сам в себе не вижу. Это пугает и восхищает одновременно.

— Просто я смотрю внимательнее других, — заметила девушка.

— Погнали в парк после уроков? — он улыбнулся, и на этот раз почти искренне. — Возьмем тот кислый сок, от которого язык синий, и просто позалипаем. Никаких телефонов, обещаю. Только твои скетчи и мои попытки не тупить. Мне правда нужно... просто выдохнуть.

— Посмотрим, Максим. Если ты снова не убежишь «репетиторствовать».

Коридор гудел монотонно и душно. Школьный шум казался Максиму белым шумом, сквозь который он тщетно пытался расслышать что-то важное. Юля видела, как он сжимает дужки наушников — его привычный жест, когда реальность начинала подтормаживать, а мысли уносились слишком далеко от школьных стен.

— Обещаю, сегодня никакого репетиторства, — он коснулся ее руки.

Вдруг двери школы резко распахнулись от мощного толчка. По вестибюлю прокатилась волна внезапной тишины, которая через секунду сменилась лихорадочным шепотом и щелчками камер смартфонов. Это было похоже на критическую ошибку системы: ученики замирали, высовываясь из классов. В здание, чеканя шаг, вошла высокая девушка с рыжеватыми волосами. За ней, словно две массивные тени, следовали мужчины, чьи лица были на каждом втором баннере киберспортивных порталов.

– Ого, посмотри на это, – прошептал кто-то рядом.

Маша шла впереди, не глядя по сторонам, ее подбородок был заносчиво вздернут, а в глазах читался холодный вызов всему миру. Следом за ней вышагивал Ваня, известный всем как Freez, легендарный капитан GoH, чья суровая фигура в фирменном худи мгновенно подавляла волю окружающих. Замыкал шествие Рома, он же Poloten4ik, двигавшийся с ленивой грацией человека, привыкшего к вспышкам камер и обожанию толпы.

– Это же... – голос Максима внезапно дрогнул.

Его привычная маска безразличного тихони дала трещину, пропуская наружу чистый, ничем не прикрытый восторг фаната, увидевшего своих богов во плоти. Юля почувствовала, как пальцы Максима на подоконнике начали непроизвольно постукивать, имитируя нажатия на кнопки, – этот жест всегда выдавал его крайнюю степень волнения. Его зрачки расширились, а взгляд намертво приклеился к идущей впереди Маше, которая в этом окружении казалась центром галактики.

– Ты их знаешь? – спросила Юля, нахмурившись.

— Ты издеваешься? Это же основной ростер GoH! Фриз — лучший капитан региона, Поло — сооснователь GoH... и Маша, — он произнес ее имя почти шепотом, и в этом звуке Юля уловила странную смесь страха и обожания. — Я их демки по кадрам разбирал, чтобы понять, как они так быстро ротеются. Это... это как если бы к нам в столовку инвайт на Интернешнл прилетел. Дичь полная. Ты посмотри на их тайминг — они даже заходят в школу синхронно, как будто в катсцене.

– Они выглядят как люди, которые ищут проблемы.

— Да ладно тебе, они просто крутые, — Максим даже не заметил ее подкола. — Весь этот скилл, манера... Это просто космос, Юль.

Юля наблюдала за переменой в Максиме с растущим чувством тревоги. Дело было не в красоте новенькой, а в том, как изменился его пульс. Она видела, что он смотрит на Машу не как на случайную прохожую, а с тем же болезненным узнаванием, с каким смотрят на родной дом после долгой ссылки. Для Юли Маша была чужаком, нарушившим их покой, но Максим смотрел на неё так, словно они с этой рыжей девушкой говорили на одном секретном языке, который Юля никогда не выучит.

– Кажется, твой мир только что рухнул.

– Да нет, просто... это неожиданно, — Максим тряхнул головой.

Маша тем временем остановилась посреди холла, недовольно осматривая обшарпанные стены и ряды старых вешалок раздевалки, словно оценивала глубину своего падения. Ваня положил руку ей на плечо, и этот жест, призванный быть поддерживающим, в глазах Юли выглядел как контроль над опасным зверем. Рома же просто уткнулся в телефон, явно скучая от необходимости находиться в месте, где не пахнет неоном и профессиональным оборудованием.

– Ей тут явно не нравится, — заметил Максим.

– А кому бы понравилось в золотой клетке? – ответила Юля.

Она открыла свой скетчбук на чистой странице и начала наносить резкие, почти агрессивные линии, пытаясь зафиксировать это вторжение чужаков на бумаге. Карандаш с хрустом вгрызался в бумагу, создавая образ Маши, зажатой между двумя гигантами, ее тонкая фигура

на рисунке выглядела хрупкой, но одновременно колючей. Юля видела в этой сцене не триумф звезд, а драму пленницы, которую привели сюда против ее воли.

– Почему ты рисуешь ее такой злой? – спросил Макс.

– Потому что она и есть злая, – отрезала Юля, не отрываясь.

– Просто она сестра Капитана, про нее все паблики трубят, — пожал плечами Макс. — Писали, что после весеннего финала у них в женской команде всё посыпалось, скандалы, хейт... Жестко, короче. Жалко ее даже.

– Ты слишком много про нее знаешь для обычного фаната.

– В киберспорте нет ничего обычного, ты же знаешь, – Максим попытался отшутиться, но его взгляд снова вернулся к Маше.

В этот момент к прибывшим звездам подошла завуч, ее обычно строгий голос сейчас звучал заискивающе и суетливо, что вызывало у Юли лишь брезгливость. Она что-то быстро говорила Ване, указывая в сторону административного крыла, а Рома тем временем окинул взглядом толпу школьников, задержавшись на секунду на Максиме. Парень замер, едва дыша, когда его кумир мазнул по нему скупающим взором, словно по элементу декора.

– Кажется, нас сейчас назовут по именам, – Максим нервно усмехнулся.

– Вряд ли они здесь ради автографов, – буркнула Юля.

Завуч громко кашлянула, и её голос эхом разнесся по затихшему коридору. Она объявила, что Мария переводится в их школу «в рамках академической паузы после напряженного спортивного сезона», чтобы спокойно подготовиться к экзаменам. Толпа загудела — все знали про скандал в женском ростере GoH. Глеб тут же выпрямился, победно оглядев своих приятелей. Он уже видел в этой ситуации отличный шанс поднять свой статус за счет общения со «звездой».

— В параллель к Глебу? Жесткий матчап для нее, — Максим хмыкнул, пытаясь скрыть дрожь в голосе. — Глеб ее сожрет своими подкатами за одну перемену.

– Почему тебя это так волнует? – Юля закрыла альбом.

— Да забей, — Он приобнял Юлю за плечи, возвращаясь в реальность. — Пусть хоть у Глеба в классе, хоть у директора в шкафу. Главное, что мы-то отсюда сейчас свалим. Так что, идем за тем синим напитком?

— Ты точно здесь, Макс? — Юля закрыла альбом, чувствуя, как внутри всё равно свербит.

— Конечно, здесь. Просто... ну, это же были Фриз, Поло и Маша. Как будто картинка из монитора вдруг ожила и прошла мимо. Дико, да? Но это там, — он махнул рукой в сторону административного крыла, — а мы здесь.

Юля видела, как Максим внутренне подобрался, словно готовился к решающему матчу, где ставки внезапно взлетели до небес. Все его обещания о спокойном лете теперь казались ей лишь попыткой удержать ее за руку, пока сам он уже прыгал в бездну. Она поняла, что с этого момента их тишина превратилась в ожидание бури. Эти люди принесли с собой не просто славу, а тот самый мир больших амбиций, который Максим так тщательно пытался скрыть за школьными тетрадами.

– Пойдем в класс, скоро звонок, – сухо сказала она.

– Подожди, я хочу увидеть, куда их поведут, – Максим даже не шелохнулся.

– Макс, ты ведешь себя как сталкер. Это просто девчонка.

— Да я не сталкерю, просто впечатлился. Это же легенды, Юль! Но прогулку я жду больше, честно. Разве ты не чувствуешь, какой сегодня кайфовый воздух? Самое то, чтобы забить на всё.

– Я чувствую только, что ты сейчас не со мной.

Он, наконец, зашагал к классу, подхватив ее рюкзак, и выглядел вполне обычным Максимом. Но Юля посмотрела на свой набросок: Маша на бумаге теперь казалась ей не пленни-

цей, а яркой кометой, которая пролетела мимо, оставив за собой невидимый, но осязаемый след. Максим улыбался, звал её, но она видела — какая-то часть его внимания всё ещё там, в коридоре, прикована к свету этой внезапной «звезды». Их тихий май только что стал чуточку сложнее.

В школьном кабинете истории было невыносимо душно. Пыль, танцующая в столбах майского света, казалась Максиму помехами на старом мониторе. Глеб, вальяжно раскинувшись за партой, только что закончил объяснять двум одноклассникам сложную тему к зачету — он умел быть полезным, когда хотел, и класс платил ему за это искренним признанием. Сейчас он вещал на всю аудиторию, наслаждаясь ролью лидера, который знает всё и обо всех. Его дорогие часы поблескивали на солнце, но за этой бравадой скрывался человек, который привык быть опорой для своих, даже если его методы казались со стороны высокомерными.

– Вы вообще видели эту «легенду»? – Глеб снисходительно хмыкнул, поправляя манжеты. – Мои инсайды говорят, что Freez полгода дефал её перед оргой, чтобы не кикнули на мороз раньше времени. Но даже у кэпа терпелка не железная, когда в тиме такой балласт. Теперь она здесь — в ссылке для тех, кто не вывез про-сцену. Просто мусор, который собственный брат выкинул в помойку.

Шум в классе стал громче.

– Но она же Маша! – подал голос кто-то с задних рядов. – Она же в финале Весенней лиги такие мувы выдавала!

– Удача кончилась, – Глеб фыркнул, скривив губы. – Хайпила на фамилии, пока не слила так, что никакой Freez не засейвил. В киберспорте лоу-скиллам не место. Теперь будет гнить здесь и делать вид, что тригонометрия — это её лвл. Хотя мы-то шарим: она просто не потянула игру взрослых.

Максим сильнее сжал края учебника истории.

Слова Глеба били по нервам, как бесконечный спам в чате во время решающей катки. Парень пытался сосредоточиться на параграфе о реформах девятнадцатого века, но буквы расплывались, превращаясь в нечитаемый код. Он знал, что Глеб врет или, как минимум, сильно преувеличивает, но заступиться значило раскрыть себя. Раскрыть то, что он, тихий и незаметный Максим, по ночам разбирает те самые «тактические провалы» Маши до секунды, видя в них не ошибки, а гениальную, пусть и слишком рискованную игру. Ему казалось, что стены кабинета сжимаются, а запах мела и старой бумаги душит его сильнее, чем нехватка кислорода на глубине Туманного Пролива.

– Эй, Макс, че такой зажатый? – Глеб вдруг перевел на него взгляд. – Или веришь в сказки про камбэк звезды? Ты же у нас вечно в мобилках залипаешь. Как думаешь, Маша быстро тильтанет и разрыдается от собственной никчемности?

– Мне всё равно, Глеб, – тихо ответил Максим, не поднимая глаз от книги.

Максим промолчал, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость.

Звонок на перемену прозвучал как сигнал к началу раунда. Коридор мгновенно превратился в гудящий улей, где каждый пытался урвать кусочек внимания новой «королевы». Максим вышел из класса, стараясь держаться в тени, но его взгляд невольно искал рыжеватую макушку в толпе. Он видел, как Глеб, поправив воротник рубашки, уверенным шагом направился наперерез Маше, которая пыталась дойти до расписания. Вокруг них тут же образовалось свободное пространство, словно на ринге перед первым ударом.

Глеб преградил ей путь, прислонившись плечом к шкафчикам.

– Ну что, королева GoH, как тебе наша реальность? – он произнес это без издевки, скорее с горечью разочарованного фаната. – Знаешь, я ведь реально за тебя топил в прошлом сезоне. Думал, ты и правда тащишь. А теперь ты здесь, и все шепчутся, что ты просто сдалась. В этом

гадюшнике свои правила, Маша, и я просто пытаюсь понять: ты пришла их разрушить или стать частью нашей тихой гавани?

Маша остановилась, небрежно поправляя капюшон своего огромного худи.

Она посмотрела на Глеба так, словно он был назойливым рекламным баннером, который мешает загрузке страницы. В её взгляде не было страха, только безмерная усталость и холодное презрение. Она не была похожа на испуганную школьницу. В её позе, в том, как она держала телефон, чувствовалась выучка профессионала, привыкшего к давлению многотысячной толпы. Глеб продолжал натянуто улыбаться, но его свободная рука сама собой потянулась к запястью, пальцы судорожно вцепились в кожаный шнурок. Этот жест всегда выдавал его в моменты неуверенности, обнажая скрытый страх оказаться хуже своего успешного брата.

– Слышь, кусок пафоса, – Маша резко сократила дистанцию, и в её глазах вспыхнула такая ярость, что Глеб невольно качнулся назад. – Если ты еще раз откроешь рот в мою сторону или вякнешь про моего брата, я тебе эти «дорогие» часы в глотку зафармлю. Мне плевать на твои правила. Вы тут все — серый шум в кривом симуляторе, а ты — самый бесячий баг. Исчезни, пока я этот гадюшник не вайпнула.

Глеб на секунду замер, и его лицо начало медленно наливаться краской.

– Ты... – начал он, но слова застряли в горле. – Ты хоть понимаешь, с кем говоришь? Я здесь не просто так!

– Ты даже не NPC, Глеб. Ты — мусорный файл, который система забыла удалить, – отрезала Маша и, даже не обернувшись, обошла его. – Отойди, несет дешевым парфюмом и завышенным ЧСВ. Меня тошнит от этого места, но от тебя — особенно.

По коридору прокатился смешок.

«Золотой мальчик» стоял посреди толпы, чувствуя, как лицо пылает не столько от ярости, сколько от глубокой обиды. Он ведь действительно когда-то вдохновлялся её игрой, а теперь столкнулся с ледяной стеной её презрения. Его уверенность осыпалась, обнажая всё тот же старый страх: быть недостаточно хорошим, вечно проигрывать сравнение с братом. Он судорожно теребил шнурок на руке, пытаясь скрыть дрожь. Это было не просто публичное унижение, а крах его попытки наладить контакт с кем-то, кто, как он думал, понимает цену успеха.

Юля наблюдала за этой сценой, прижавшись к стене за углом. Её пугала эта открытая, почти физически ощутимая злость, исходящая от Маши. В мире Юли, где каждый штрих имел значение, такие вспышки были подобны кляксам черной туши на чистом холсте — несмываемым и разрушительным. Она видела, как ярость новенькой буквально выталкивает воздух из коридора, заставляя окружающих замолчать.

Её пальцы лихорадочно двигались по бумаге скетчбука, оставляя резкие, ломаные штрихи. На странице альбома Маша превращалась в темный вихрь, из которого торчали острые, как бритвы, иглы. В её глазах на рисунке не было ничего человеческого — только холодный цифровой шум. Глеб же в её восприятии становился змеей, которая пыталась укунить этот вихрь и теперь корчилась от собственной беспомощности. Юля чувствовала, как этот конфликт вибрирует в воздухе, и эта вибрация отзывалась внутри неё тревожным предчувствием: этот шторм не пройдет мимо неё.

– Юль, а чего они такие? – наклонился над плечом девушки Максим.

– Я просто фиксирую хаос, – она подняла на него свои внимательные глаза. – Посмотри на них. Они как два стихийных бедствия, которые столкнулись в одном коридоре. Тебе не кажется, что эта новенькая принесла с собой шторм, который нас всех утопит? Она опасна. Не потому, что злая, а потому, что ей плевать на всё, что нам дорого.

– Мне кажется, ты ошибаешься, Юль, – Максим посмотрел вслед ушедшей Маше. – Она не выглядит опасной. Скорее... потерянной. Будто ей здесь совсем не место.

– Ты так говоришь, будто знаешь её сто лет, – Юля недоверчиво хмыкнула.

– Просто интуиция, – тихо ответил Максим, уходя от расспросов.

Он не пытался анализировать её состояние, но общее впечатление было слишком узнаваемым. Маша напоминала ему игрока, который случайно забрел на чужой сервер и теперь не знает, как выйти в главное меню. В её резкости чувствовалась не сила, а попытка отгородиться от всего вокруг. Максим не вглядывался в мелочи, но само ощущение этой «неправильности» её присутствия в школе отзывалось в нем странным сочувствием, которое он не мог объяснить даже самому себе.

Юля яростно заштриховала фон на своем рисунке.

– Ну и пусть будет одна, – буркнула Юля, закрывая альбом. – Главное, чтобы она держалась подальше от нас. Мне не нравится, как ты на неё смотришь, Максим. Словно ты нашел какой-то потерянный артефакт, а не просто девчонку из интернета. Пойдем быстрее, звонок скоро, литература на четвертом этаже.

Максим поморщился и на мгновение прижал ладонь к виску, стараясь придать лицу максимально изможденный вид.

– Слушай, Юль, иди без меня. Что-то виски давит невыносимо, наверное, от духоты на истории накрыло. Попробую дойти до медпункта или просто посижу в тишине пять минут. Я догоню, если отпустит.

Юля нахмурилась, в её взгляде на секунду промелькнуло подозрение, но резкий звонок заставил её сдаться. Она лишь коротко кивнула и скрылась в толпе учеников. Максим остался стоять один, чувствуя, как липкая вина оседает на плечах. Он быстро вытащил из рюкзака телефон и проверил уведомления: до начала трайаута в Вегу оставалось пять минут. Это был его единственный шанс, и ради него он только что выстроил еще один кирпич в стене, отделяющей его от Юли. Свернув в сторону пустой библиотеки, Максим почти бегом направился туда, где его ждал решающий матч в сценарии, который он больше не мог контролировать.

Максим влетел в библиотеку, чувствуя, как время утекает сквозь пальцы. Нужный тупик за стеллажами с архивными подшивками казался сейчас единственной спасательной капсулой в этом душном мире. Он рванул папку с чертежами из укрытия, едва не рассыпав хрупкие листы, и сорвал защитный чехол.

Экран планшета полоснул по глазам агрессивным светом, выхватив из темноты пыльные корешки книг: «Lobby is ready. 20 seconds». Таймер обратного отсчета горел ярко-алым, пульсируя в такт его бешеному сердцу. «Вега» не была пределом его мечтаний, но это был единственный способ вырваться из болота. Придется забыть про тактику «тени», выйти на свет и выгрызть победу на миду, рискуя всем. Для него это был прыжок в бездну, где внизу ждали либо профессиональные контракты, либо окончательное забвение.

Тяжелые шаги технички замерли совсем рядом, за тонкой перегородкой стеллажа. Максим затаил дыхание, ощущая, как пульс оглушительно отдается в висках. Пять секунд. Четыре. Когда скрип подошв начал удаляться, он решительно ударил по сенсору, нажимая «Принять». В ту же секунду школьные стены стерлись, превращаясь в поток данных, а реальность библиотеки растворилась в неоновом сиянии загрузочного экрана. Это было предательство по отношению к Юле, но сейчас единственной истиной для него был этот мерцающий прямоугольник в руках.

На экране развернулась панорама «Забытого Архипелага» — свинцовое море, изрезанное острыми скалами и окутанное едким неоновым туманом. Максим управлял тяжелым крейсером класса «Левиафан»: стальной машиной с массивными орудийными башнями, способной выдержать прямой обстрел, но требующей ювелирного расчета в маневрах. Он по привычке качнул стик влево, собираясь уйти на безопасный фланг под прикрытие утесов, но тут же одернул себя — старые паттерны сейчас были его главным врагом. Максим резко развернул многотонный корпус крейсера, направляя его в самое пекло, на мид, где среди обломков ста-

рых танкеров уже завязывалась первая стычка. Сердце колотилось в ритме пинга, пока пальцы выбивали на стекле дробь, понятную только ему одному.

Реальный мир схлопнулся до плотных вкладышей в ушах. Его пальцы летали по стеклу с ритмом, который заставил бы любого пианиста-виртуоза почувствовать себя неповоротливым любителем — каждый свайп был выверенным ударом в хаос боя.

На экране догорали остовы вражеских крейсеров. Максим выдохнул, только сейчас заметив, что костяшки пальцев побелели от напряжения. Он стянул наушники, и тишина библиотеки навалилась тяжелым ватным одеялом. В ушах все еще пульсировал ритм последнего «клатча» — того самого момента, когда он на одном микро вытянул безнадежную катку. Пот заливал глаза, а пальцы продолжали мелко дрожать, не желая отпускать виртуальный штурвал.

— Прорыв с обходом по флангу был не плох, но на развороте ты потерял секунду позиции, — раздался спокойный голос сверху.

Тень внезапно упала на его экран.

Максим вздрогнул, едва не уронив планшет. Маша сидела на краю стола, небрежно листая массивный латинский словарь. Она захлопнула книгу, подняв облако пыли, и посмотрела прямо на него. — Парсифаль, да? Узнаю этот почерк.

— Ты... давно тут? — Максим заикнулся, чувствуя, как сердце в груди заложило вираж.

— Достаточно. А мув с танком — просто пушка. Но нафига ты просираешь скилл в такой помойке, как «Вега»? Там же одни боты. Реально больно смотреть, как чел с такими руками гниет в лоу-табе. Ты тут типа гасишься от всех или просто ссышь играть по-взрослому?

Максим замер. Библиотека качнулась, словно он попал в зону турбулентности: реальность и киберспорт столкнулись в этом пыльном углу.

— Мне просто нужен старт, — буркнул он, глядя на свои пальцы.

— В «Веге»? Не смеши. Тебе в академку GoH надо, сто пудов, — отрезала Маша, подходя ближе.

— В академку? Рофлишь? — он нервно хохотнул. — Туда только мажоров берут или тех, у кого полмиллиона подписоты. А я просто задрот из обычной школы. У меня тут физика, домашка и скетчи Юли. Где я, а где ваши стадионы и неоновые логотипы?

— Брат топит за дисциплину, но я-то вижу — сцена тухнет. Нужна свежая кровь. Такие как ты — тихие, но кусачие. У тебя чуйка есть, а это за донаты не купишь. Либо ты сейчас делаешь шаг, либо так и будешь пыль за стеллажами глотать, пока остальные за оценки трясутся. Выбирай: или ты в игре, или ты массовка.

Маша внезапно рассмеялась — это был чистый, яркий звук. — Слышала, как Глеб в коридоре втирал, что ты «унылый репетитор для неудачников», который за гроши домашку делает. А ты тут, оказывается, кабины ломаешь в соло.

В этом смехе не было того ледяного высокомерия, которое она демонстрировала Глебу. Это был смех человека, который наконец нашел кого-то, кто говорит на его родном языке, непонятном для окружающих.

— Так ты не просто тихоня-репетитор? — она усмехнулась и подмигнула.

— Только если предмет — как слить катку за пять минут, — в тон ей ответил он.

Максим улыбнулся — открыто и искренне, как он не улыбался уже очень давно. В этот момент он почувствовал себя по-настоящему живым. Весь страх перед Глебом, перед экзаменами и даже перед суровым капитаном GoH Фризом отошел на второй план. Между ними возникло то странное, почти электрическое взаимопонимание, которое бывает только у людей, одержимых одной страстью. Он увидел в Маше не угрозу своему спокойствию, а дверь, которая наконец-то начала открываться.

Юля замерла за стеллажом «Зарубежной прозы». Она видела, как Маша спрыгнула со стола, коснулась плеча Максима, что-то быстро печатала в его телефоне. Юля не слышала слов, но видела его лицо — оно светилось так, как не светилось даже после их первого свидания. Она

медленно попятилась, зацепив рюкзаком стопку книг. Глухой удар о пол заставил её вздрогнуть. Не оглядываясь, она вытащила из сумки скетчбук и на ходу, почти вслепую, провела по листу жирную, ломаную линию грифелем, который тут же хрустнул и сломался.

Её сердце сжалось от внезапной, острой боли.

В луче света из узкого окна рыжие волосы Маши вспыхнули нимбом. «Тихий мальчик» исчез, на его месте был незнакомец, захваченный чужой, агрессивной мечтой, в которой Юле не было места.

Она не стала их окликать.

Она выбежала на крыльцо, яростно втирая в бумагу крошки сломанного карандаша. На месте лица Максима в её альбоме теперь было черное, рваное пятно. Юля захлопнула скетчбук и пошла к выходу из школьного двора, стараясь не бежать, хотя всё внутри требовало немедленно скрыться от этой картинки, где её Макс внезапно стал частью чужого, неонового мира.

Её мир рушился под звуки шепота за стеллажами.

Каждый штрих на бумаге был как крик, который она не могла издать вслух. Юля видела в этой сцене не просто знакомство, а начало финала их отношений. Максим уходил туда, где её краскам и тишине не было места. Она закрыла альбом, когда на листе проступил образ парня, чье лицо было наполовину скрыто сиянием новенькой. Это была её правда — горькая, как графитовая пыль на пальцах, и окончательная, как точка в конце предложения.

Юля почти бежала прочь из школы. В глазах всё плыло, словно на свежий рисунок плеснули растворителем, превращая привычные лица и стены в грязные пятна. Она остановилась только в глубине старого парка, где тень лип хоть немного скрывала её размазанную тушь и дрожащие губы.

Горло сдавил горький, колющий спазм.

Она прислонилась к шершавому стволу, пытаясь выровнять дыхание. Майское солнце светило слишком ярко и равнодушно — её личный мир только что рассыпался, а город продолжал жить как ни в чем не бывало.

– Как ты мог, Максим? – прошептала она в пустоту, закрывая глаза.

Полгода назад всё было иначе. Тот вечер на крыше гаражей казался Юле настоящим. Максим в растянутом худи просто слушал её рассказы про грунтовку холстов и палитры. Он молчал, и в этом молчании ей было спокойнее, чем с кем-либо еще.

Тот вечер стал их настоящей точкой отсчёта.

Она видела в нем надежный якорь. Юле казалось, что ему, как и ей, не нужны маски и фальшивый шум соцсетей.

– Ты всегда будешь так молчать, когда мне будет плохо? – спросила она тогда, сильнее прижимаясь к его плечу.

– Если тебе это помогает чувствовать себя в безопасности, то я готов молчать вечность, – ответил он, и в его негромком голосе была такая обезоруживающая простота, что Юля окончательно сдалась.

Она сама придумала его образ. Максим был для неё чистым белым холстом, на который она спроецировала идеального парня — спокойного и предсказуемого. Юля была уверена, что знает в нем каждый штрих.

Но холст оказался с двойным дном. В библиотеке она увидела другого Максима — живого, азартного, смотрящего на Машу так, как он никогда не смотрел на её рисунки. Между ними была химия, которую не подделаешь.

– Ты ведь просто играл роль, – горько констатировала она, кусая губы.

Рядом с яркой и уверенной Машей Юля чувствовала себя блеклым карандашным наброском, который легко стереть обычным ластиком.

Для неё игры были всего лишь невнятной мешаниной образов, чуждым и непонятным языком форм, не несущим в себе никакой жизни.

Её «тихая гавань» обернулась скучным болотом. Оказалось, Максиму нужен был этот драйв, этот чужой и непонятный Юле мир игр.

Она катастрофически ошибалась в истинных масштабах его личности.

Вспоминая их шепот в библиотеке, Юля понимала: она не просто проиграла в конкуренции. Максим выбрал другой мир, где нет места её пастельным тонам и тихим вечерам на крыше.

Это было холодное, ослепляющее сияние, под которым её пастельные мечты мгновенно выцвели и потеряли всякий смысл.

Она злилась на свою слепоту. Пока она рисовала призрака, он отдалялся, прячась в телефоне и бесконечных недомолвках. Он просто ждал кого-то более живого.

– Я была для тебя просто фоном, – прошептала Юля, чувствуя, как холод пробирается в душу.

– Пока ты строил свои планы, я рисовала призрака, которого сама же и придумала из ничего.

Юля села на скамейку и открыла скетчбук. Со страниц на неё смотрел Максим — сотни набросков, и везде он был тихим и «её». Последний рисунок был испорчен: рука дрогнула, и лицо парня перечеркнули агрессивные, ломаные линии.

Иллюзия их общей тихой гавани рассыпалась в мелкую пыль.

Весь их уютный мир с репетициями вальса и прогулками за соком теперь казался дешевой декорацией. В его новой картине для неё просто не осталось места.

Сердце, утром еще полное планов на лето, стало холодным и тяжелым, как кусок графита, оставляющий только грязные следы.

Она захлопнула скетчбук. Звук вышел резким, как выстрел. Юля поднялась, твердо решив оборвать всё, что связывало её с этой ложью.

Девушка шла мимо массивных школьных ворот, даже не подозревая, что Максим прямо сейчас сражается не против неё, а за их общее будущее, пытаясь пробить стену к своей мечте. В её глазах он оставался предателем их «тихой гавани», человеком, который променял живое тепло их встреч на холодный, слепящий блеск чужого и враждебного ей мира. Для Юли этот майский вечер стал финальным аккордом их симфонии, которая оборвалась на самой высокой и болезненной ноте, не оставив после себя ничего, кроме пустоты.

Пути назад в их прежний, понятный мир больше не существовало.

Тяжелая дверь школы захлопнулась за спиной Маши с глухим, окончательным стуком. Воздух в вестибюле, пропитанный запахом хлорки и пыльных штор, вызывал у нее лишь глухое раздражение. Она поправила лямку рюкзака, набитого учебниками, и вышла на крыльцо, чувствуя себя чужой в этой сонной реальности. Каждый шаг по обшарпанным ступеням казался ей личным поражением, напоминанием о том, что ее настоящая жизнь — с ее скоростью, триумфами и адреналином — сейчас поставлена на мучительную паузу.

Настоящая пытка обыденностью.

Маша спустилась по ступеням, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не ловить на себе любопытные взгляды местных «NPC» в дешевых кроссовках.

– Маш, ты долго! – раздался знакомый голос со стороны парковки.

У ворот, сверкая матовым кузовом в лучах весеннего солнца, припарковался огромный черный внедорожник — живая реклама GoH. Рома, больше известный фанатам как Полотенчик, вальяжно прислонился к капоту в своих брендовых джоггерах и командной худи. Он с преувеличенным интересом рассматривал экран телефона, демонстративно игнорируя десятки наведенных на него камер смартфонов. Весь его вид транслировал ленивое превосходство: для

него это была не школа, а забавный тематический парк «Жизнь обычных людей», где он случайно оказался на главной роли.

— Опять ты? Ваня прислал «группу эскорта» или это твоя инициатива? — бросила Маша, проходя мимо замерших в шоке одноклассниц. Она даже не замедлила шаг, ведя себя так, будто эта тачка ценой в бюджет небольшого города — просто её личное такси.

— Ты еще скажи, что я тебя опозорил перед подружками, — Рома хмыкнул, эффектно открывая переднюю дверь. — Давай прыгай в карету, мелкая. Садись, пока нас не завалили просьбами о селфи.

Маша забралась в салон, где пахло дорогим парфюмом, кожей и качественным пластиком — запахами, которые всегда ассоциировались у нее с победами и буткемпами. Она бросила рюкзак на заднее сиденье так, будто это был мешок с мусором, и откинулась на кресло, закрыв глаза. Мотор глухо заурчал, и машина плавно тронулась с места, оставляя позади унылое здание школы, которое теперь казалось ей тюрьмой для амбиций. Тишина в салоне была почти физически ощутимой, нарушаемой лишь тихим гудением кондиционера.

Рома аккуратно вырулил на главную дорогу, поглядывая на нее в зеркало заднего вида.

— Слушай, мелкая, не кисни ты так, — мягко начал он.

— Не называй меня так, Рома. Я профессиональный игрок, а не школьница с косичками.

— Ну не кипятись. Ваня ведь не просто так жестит. После Весенней лиги ты была похожа на перегоревшую видеокарту — искрила, но картинку не выдавала. Он просто пытается тебя «ребутнуть», пока шум не утихнет. В киберспорте память у фанатов короткая, и он хочет, чтобы ты вернулась в игру, когда хайп сменится чем-то другим.

Маша резко повернулась к нему, ее глаза сверкнули опасным огнем.

— То есть он меня защищает? — Маша с силой вдавила кнопку стеклоподъемника, впуская в салон рев вечернего проспекта. — Он просто отобрал у меня руль, Рома! Я не хрустальная ваза. Я лидер, а должна зубрить стихи в окружении людей, которые не отличат «микро» от «макро». Ваня просто боится, что я перестану быть его управляемым проектом.

— Он пытается выстроить систему, в которой топ-плеер не сгорает дотла к двадцати годам. Твой ник для него — и главный козырь, и повод для паранойи одновременно.

— Его работа — побеждать, а не ломать своих игроков через колено! — отрезала она, снова отвернувшись к окну.

Маша смотрела на неоновые вывески, которые в разгоне сливались в одну полосу. В этой вспышке света её злость кристаллизовалась в холодный план. Ей не нужны были советы брата или опека Ромы. Если профессиональный мир считает её «нестабильной», она создаст свою стабильность. Она найдет того, кто станет её билетом обратно на арену — невидимого, быстрого и абсолютно преданного её цели.

В ее голове всплыл образ из сегодняшнего дня — тихий угол библиотеки и экран планшета.

— Ты опять это делаешь, — Рома мельком глянул на её правую руку. — Барабанишь пальцами «три-два-четыре». Этот ритм у тебя только перед затяжным прыжком. Что ты задумала?

— Тебе кажется. Просто думаю, как пережить завтрашнюю контрольную.

— Врешь ты плохо. У тебя такой взгляд был только перед тем, как ты в соло вытащила финал против «Акул». Выкладывай, Маш.

Маша ничего не ответила, погрузившись в воспоминания о том самом «тихоне» из библиотеки с невероятно быстрыми пальцами. Максим, кажется, так его звали те ребята в коридоре, обладал чем-то таким, что редко встречалось даже у топовых стримеров — идеальным чувством тайминга. Она видела, как он играл в «Tides of Fortune», и его реакция была просто феноменальной, за гранью человеческих возможностей для обычного школьника. Это не был

просто «скилл», это был чистый, необработанный потенциал, который мог стать идеальным оружием в правильных руках.

Парсифаль. Она запомнила его ник.

– Ром, а ты помнишь, как Фриз нашел первого игрока для основы? – вдруг спросила она.

– Ну, он тогда перерыл кучу любительских турниров, искал тех, кто не светится в медиа.

– Точно. Он искал «невидимок» с чистым скиллом. И сейчас он думает, что только он один так может.

В этот момент в ее голове окончательно сформировался план, настолько безумный и дерзкий, что от него по коже пробежали мурашки. Она сама найдет этого парня, сама подготовит его к отбору в Академию GoH и выставит его как свой личный проект, о котором никто не будет знать до самого финала. Если она сможет привести в команду игрока такого уровня, который просто разнесет всех на квалификации, Ване придется признать ее талант не только как игрока, но и как лидера и скаута. Это будет ее идеальный реванш, ее тихая месть за каждый день, проведенный за партой.

– Слушай, Ром, а можно заехать в один магазин электроники? Мне нужны новые наушники.

– Да без проблем. Главное, чтобы Ваня не узнал, что мы задержались.

– Ваня узнает только то, что ты ему скажешь, – Маша едва заметно улыбнулась.

Она уже представляла, как завтра снова придет в библиотеку, но на этот раз не для того, чтобы прятаться, а чтобы начать охоту. Максим станет ее «секретным оружием», тем самым джокером в рукаве, который обрушит все планы ее брата на «спокойную жизнь» сестры. Ей нужно было лишь убедиться, что этот парень готов рискнуть всем ради мечты, о которой он, возможно, даже не смел мечтать всерьез. Азарт, который она считала утраченным после весеннего поражения, вернулся к ней с удвоенной силой, наполняя вены адреналином.

Это было лучше любого энергетика.

Она достала телефон и быстро набрала сообщение в закрытый чат, где сидели только свои.

– Нужна инфа по одному нику. Parsiphal. Срочно.

Ответ пришел быстро.

— Parsiphal? Акк старый, стата — космос. Но тип мутный: то пропадает из сети, то на пороге про-сцены сам дает по тормозам. Словно боится сделать последний шаг. Скилл есть, яиц не хватает. Зачем он тебе?

Маша на мгновение замерла, глядя на отражение своих глаз в темном стекле телефона. Если у него не хватает смелости сделать шаг самому, она просто станет той силой, которая не оставит ему шанса отступить.

– Поехали, Рома. Нам еще нужно успеть до закрытия.

– Как скажешь, капитан, – Рома подмигнул ей, прибавляя газу.

Маша закрыла глаза, слушая ритмичный бит, доносившийся из колонок, и в ее сознании уже разворачивались тактические схемы будущих тренировок. Ее игра только начиналась, и на этот раз правила будет устанавливать она сама.

Школьные коридоры теперь казались лишь временным фоном для большой игры.

– Мы на месте, – объявил Рома, паркуясь у ярко освещенного торгового центра.

– Подожди здесь, я быстро. И не вздумай звонить Ване.

– Обижаешь. Я могила, ты же знаешь.

Маша выскочила из машины, чувствуя н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.